

П.П. Муратов

Образы Италии

**Том 1. Венеция _ Путь ко Флоренции –
Флоренция – Города Тосканы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.П. Муратов**
Образы Италии: Том 1. Венеция_Путь ко Флоренции – Флоренция – Города Тосканы / П.П. Муратов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 300 с.

ISBN 978-5-517-97468-6

ISBN 978-5-517-97468-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе .	1
I. Венеція.	
Летейскія воды	19
Тинторетто .	25
Вѣкъ маски	33
Казанова . . .	60
Поѣздка въ Кіуджу	85
II. Путь къ Флоренціи.	
Церковь на Аренѣ .	93
Андреа Мантенья	100
Феррара и ея художники	107
Болонья	119
Мавзолей .	132
III. Флоренція.	
Отъ Санъ Миниато	145
Кватроченто	153
Судьба Боттичелли	175
Бронзино и его время .	183
IV. Города Тосканы.	
Прато и Пистойя	211
Пица .	218
Лукка	226
Санъ Джиминьяно .	231
Сьена	238

---

*Антоніо Федеричи. Юность.
Полъ въ Сьенскомъ соборѣ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книга является опытом изображенія Италіи: ея городовъ и пейзажей, ея историческаго и художественнаго генія. Удержанные здѣсь образы Италіи можно назвать также воспоминаніями. Италія съ особенной силой пробуждаетъ въ душѣ каждаго способность воспоминаній. Дни прожитые тамъ не исчезаютъ безслѣдно, и прошлое отдѣльнаго существованія выступаетъ отчетливѣе на фонѣ неумирающаго и великаго прошлаго. Прошлое Италіи представляетъ главную тему этой книги. Въ немъ больше жизни, настоящей вѣчной жизни, чѣмъ въ итальянской современности. Она не внушаетъ вражды мѣшающей вѣрить въ будущее итальянскаго народа, сохранившаго многія прекрасныя черты. Но, думается, душа этого народа полнѣе и вѣрнѣе выражена въ его старомъ искусствѣ, въ судьбѣ его историческихъ героевъ и въ его религіозной древней связи съ картинами окружающей природы.

Италія принадлежатъ къ великимъ темамъ, неустающимъ привлекать мысль и воображеніе различныхъ людей и смѣняющихся поколѣній. Это цѣлый міръ, и каждый, кто вступаетъ въ него, проходитъ въ немъ отдѣльной дорогой. Въ каждой книгѣ написанной объ Италіи, если только Италія является въ ней цѣлью нѣкоего «паломничества души», есть непременно много лирическихъ страницъ. Въ этой книгѣ, индивидуальное и личное выражено не только общимъ складомъ ея прозы, но и выборомъ опредѣленныхъ образовъ изъ безграничной и неисчерпаемой сокровищницы итальянскихъ образовъ. Уже простое распределеніе матеріала свидѣтельствуетъ объ этомъ. Такъ, напримѣръ, въ главѣ «Венеція» удѣлено особенно много мѣста Венеціи XVIII вѣка. Хотѣлось бы думать, однако, что въ такихъ индивидуальныхъ оттѣнкахъ мыслей, интересовъ и симпатій нѣтъ слишкомъ большой изолированности. Во всякомъ случаѣ въ нихъ нѣтъ намѣренной изолированности. Мнѣ кажется, что въ выборѣ темъ этой книги и подходѣ къ нимъ не-

вольно сказывается духъ нашей эпохи. Можно, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что эта книга выражаетъ отношеніе къ Италіи не одинокое, но раздѣляемое другими людьми нашего времени. Для пониманія душевнаго объема нынѣ живущаго поколѣнія была бы нелишней книга, хоть отчасти представляющая его «пробу» на такой вѣчной темѣ, какъ Италія.

Такова задача поставленная здѣсь, помимо стремленія къ успѣшности отдѣльныхъ изображеній. Она не исключаетъ, конечно, другой задачи—разказа о предметахъ и событіяхъ, дающаго читателю свѣдѣнія, которыя могутъ сдѣлать для него болѣе интереснымъ пребываніе въ Италіи. Тамъ, гдѣ было возможно, я стремился къ цѣльности и полнотѣ культурно-историческихъ картинъ. Такое желаніе руководило, на примѣръ, расположеніемъ очерковъ въ главахъ «Флоренція» и «Римъ». Въ другихъ главахъ я просто придерживался маршрута своихъ путешествій. Мнѣ было бы особенно пріятно думать, что образы маленькихъ городовъ Тосканы, Умбріи и долины верхняго Тибра вызовутъ въ комъ-нибудь желаніе увидѣть эти чудесныя мѣста.

Я не могу судить, въ какой мѣрѣ достигнута цѣль этого сочиненія. Я могу только надѣяться, что оно займетъ свое мѣсто въ русской литературѣ объ Италіи. Эта книга войдетъ въ ряды русскихъ книгъ посвященныхъ Италіи, въ нашу небольшую итальянскую бібліотеку. Казалось поэтому умѣстнымъ сдѣлать краткій обзоръ ея въ предисловіи. Мнѣ хотѣлось напомнить также прекрасныя страницы и строчки, написанныя объ Италіи нашими великими поэтами и писателями. Эпиграфомъ къ этимъ «Образамъ Италіи» должны быть поставлены ея образы, рожденные за столѣтья русской поэзіей и русской прозой.

„Адріатическія волны!

О Brenta, нѣтъ, увижу васъ,
И вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!..“

Такъ писалъ Пушкинъ, но ему не пришлось увидѣть «Авзоніи счастливой», «Италіи златой». Люди пушкинскаго времени думали объ Италіи, поэты мечтали о ней.

„Рвется душа нетерпѣньемъ объята
 Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима.
 Снятся мнѣ долы, лѣса благовонны,
 Снятся упавшихъ чертоговъ колонны!

Такъ писалъ Баратынскій. Въ этомъ выражено поэтическое чаяніе цѣлой эпохи, оно повторяется еще у Венеитинова и графини Ростопчиной. Но тѣ немногіе, кому удалось тогда видѣть Италію, мало писали о пей. Для Батюшкова Италія совпала съ полосой сомнѣній, съ тяжкимъ душевнымъ переломомъ. Онъ какъ будто предчувствовалъ это заранѣе, когда писалъ въ одномъ изъ писемъ: «Я знаю Италію не побывавъ въ ней. Тамъ не найду счастья: его нигдѣ нѣтъ, увѣренъ даже, что буду грустить о сѣняхъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ». Для Языкова Италія была омрачена его тяжелой болѣзнью. Она принесла ему лишь одну тихую и прекрасную минуту вечера на генуэзскомъ побережьи. «Ложатся тѣни горъ на дремлющій заливъ»...

Италія русскаго воображенія двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, это прежде всего Неаполь и Венеція. Сорренто подъ Неаполемъ—родина Тассо, Адриатическое побережье—домъ его поэзіи. Живя въ Неаполѣ, Батюшковъ переводилъ Тассо. Мысль Пушкина летѣла къ берегамъ Бренты и По,

„Гдѣ Тасса не поетъ уже почной гребецъ,
 Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
 Гдѣ кипарисныя благоухаютъ роши“.

Баратынскому изъ всей Италіи суждено было видѣть только Неаполь. Тамъ онъ умеръ, едва успѣвъ обратитъ прощальный привѣтъ къ другу дѣтскихъ лѣтъ, «дядькѣ-итальянцу», Жьячинто.

Италія привлекала людей того времени прежде всего какъ югъ, какъ «древній рай», по выраженію Пушкина. Одному изъ русскихъ путешественниковъ этой эпохи, Норову удалось побывать на крайнемъ итальянскомъ югѣ. Его «Путешествіе по Сициліи въ 1822 году» было отличной книгой. Въ ней виденъ умъ, видна большая воспримчивость и наблюдательность. Норовъ понималъ красоту классической земли; историческія воспоминанія внушали ему благоговѣніе. Онъ хорошо зналъ латинскихъ поэтовъ и Дантэ. Его размышленія о греческой архитектурѣ до сихъ поръ не утратили интереса. Другой такой книги о Сициліи нѣтъ въ русской литературѣ. Чертковъ, повторившій черезъ пятнадцать лѣтъ путешествіе Норова, не сумѣлъ повторить яркости его впечатлѣній и значительности его мыслей.

Вмѣстѣ съ послѣдними поэтами пушкинской полосы, Каролиной Павловой и княземъ Вяземскимъ кончается первый періодъ знакомства русской литературы съ Италіей. Поѣздка Павловой не принесла удачныхъ стихотвореній въ ея книгу. Князь Вяземскій, напротивъ, написалъ одну изъ лучшихъ «Венецій» въ русской поэзіи. У могилы дочери погребенной въ Римѣ, онъ соединилъ свое горе съ печалью вѣчнаго города.

„Здѣсь Римъ сказался мнѣ, здѣсь понялъ я, въ слезахъ,
Развалинъ и гробницъ его и плачь и прахъ;
Здѣсь скорби стѣнъ его державной и глубокой
Откликнулся и я печалью одинокой“.

Но когда Вяземскій писалъ эти строки, давно уже успѣлъ миновать и второй періодъ духовнаго общенія Россіи съ Италіей, періодъ, ознаменованный восторженнымъ тяготѣніемъ къ Риму.

Строго говоря, въ исторіи русской культуры только и была одна эпоха, одно десятилѣтіе отъ 1838 до 1848, когда Италія стала кровной и дорогой темой русскихъ писателей. И не Италія даже, а только Римъ. За это время въ Россіи не было ни одного чуткаго сердца, ни одного яснаго ума, которые прошли бы равнодушно мимо этой великой темы. Книги и письма той эпохи, написанныя разными людьми и съ различными цѣлями, всѣ сходны въ одномъ отношеніи. Всѣ свидѣлствуютъ о поклоненіи величію и красотѣ Рима. Это чувство раздѣляютъ ученые, какъ Погодинъ и Шевыревъ, вступающіе въ науку, какъ Буслаевъ, художники, какъ Ивановъ и Ѳедоръ Толстой, эпическіе гени, какъ Гоголь, простодушные лирическіе поэты, какъ Майковъ и Полонскій, писатели по церковнымъ вопросамъ, какъ Муравьевъ, политическіе писатели, какъ Герценъ.

Въ двадцатыхъ годахъ Италія была несбыточной мечтой поэтовъ, далекимъ видѣніемъ, скользящимъ образомъ. Теперь Римъ становится какимъ-то чрезвычайно близкимъ и роднымъ мѣстомъ для русскихъ людей. Они не только мечтаютъ о немъ, не только видятъ его, они въ немъ живутъ. Для сороковыхъ годовъ нашей исторіи Москва является первымъ домомъ и Римъ вторымъ. Можетъ быть отъ этого происходитъ, что Римъ того времени выраженъ не такъ хорошо въ стихахъ и даже въ прозаическихъ сочиненіяхъ, какъ въ письмахъ и запискахъ. Лучшее въ стихотворныхъ «Очеркахъ Рима» Майкова, это ихъ наивное «домашнее» чувство, худшее, это намѣренная картинность описаній. Нужна огромная внутренняя сдержанность, чтобы рисовать картины Рима, какъ Тютчевъ нарисовалъ «Malagia».

„Люблю сіе незримо
 Во всемъ разлитое таинственное зло:
 Въ цвѣтахъ, въ источникѣхъ прозрачномъ какъ стекло
 И въ радужныхъ лучахъ и въ самомъ небѣ Рима!

Изъ записокъ, оставленныхъ о Римѣ и Италіи людьми сороковыхъ годовъ, интересны воспоминанія Буслаева. Вмѣстѣ съ семьей графа Строганова Буслаевъ долго жилъ на Искіа и въ Сорренто. Въ Римѣ прошли лучшіе годы его молодости, и попавъ туда второй разъ черезъ тридцать три года, онъ пишетъ въ одномъ письмѣ: «Римъ мнѣ не чужой городъ; это часть моей жизни... Римъ родина для моего нравственнаго существованія». Буслаевъ жилъ въ Римѣ въ одно время съ Шевыревымъ, Станкевичемъ, Гоголемъ. Онъ встрѣчалъ Гоголя въ кафэ Греко и давалъ ему для чтенія Fioretti Франциска Ассизскаго.

Ничто не можетъ выразить лучше отношенія людей той эпохи къ Риму, какъ одна строчка изъ книги Погодина — «Годъ въ чужихъ краяхъ». Погодинъ приближался въ своемъ путешествіи къ вѣчному городу. Они начали уже пересѣкать Кампанью, какъ вдругъ почтальонъ пріостановился и показалъ вдаль едва замѣтную точку, куполь Св. Петра. «Я вздрогнулъ, всталъ и поклонился», пишетъ Погодинъ.

Намъ странно въ первую минуту встрѣтиться съ такимъ же благоговѣніемъ передъ Римомъ у Герцена. Страницы посвященныя Риму въ «Письмахъ изъ Франціи и Италіи» принадлежатъ къ образцовымъ страницамъ русской прозы. Я приведу здѣсь одинъ отрывокъ оттуда о римской Кампаньѣ. «Чѣмъ долѣе живешь въ Римѣ, тѣмъ больше исчезаетъ его мелкая сторона, и тѣмъ больше вниманіе сосредоточивается на предметахъ безконечнаго изящества; грязныя сѣни, отсутствіе удобствъ, узкія улицы, пелѣпья квартиры, пустыя лавки становятся все меньше и меньше замѣтны, и другія стороны римской жизни вырисовываются, какъ пирамиды или горы изъ-за тумана, яснѣе и яснѣе. Такова самая Campagna di Roma. Сначала она поражаетъ пустыннымъ видомъ, отсутствіемъ обдѣланныхъ полей, отсутствіемъ лѣсовъ, все бѣдно, угрюмо, будто вовсе не въ средоточіи Италіи; такіе пустыри найдутся кажется и на берегахъ Истры; но мало-по-малу человѣкъ знакомится съ этой вѣчной пустыней, съ этой дикой рамой Рима. Ея безмолвіе, ея опаловая даль, синія горы на горизонтѣ — становятся все роднѣе; тамъ медленно двигается осель, постукивая бубенчиками, черноволосый пастухъ съ фартукомъ изъ бараньей кожи сидитъ пригорюнившись и смотритъ, женщина несетъ какой-нибудь овощъ, въ

яркомъ нарядѣ и съ бѣлымъ сложеннымъ платкомъ на головѣ, она останавливается отдохнуть, граціозно поддерживая рукой свою пошу, и смотритъ вдаль, и черные глаза ея выражаютъ такую тоску, такую задумчивость, о которой она и не подозрѣваетъ, и будто одна и та же дума налегла, тяжелая и широкая на безконечное поле и горы, на пропадающую въ неопредѣленной дали зубчатую линію акведуковъ, идущую цѣлыя милы, на пастуха и на крестьянку. Всегда печальная, всегда угрюмая Самрагна имѣетъ одну веселую минуту—это захожденіе солнца; тутъ она облита яркимъ свѣтомъ, который мѣняется каждыя двѣ-три минуты; и вдругъ поднимается роса, пурпуръ смѣненъ ночью, и даль исчезла—ничего не видать, кромѣ теперь только замѣтнаго огонька пастуховъ и двухъ-трехъ близкихъ развалинъ».

Письма Герцена изъ Италіи проникнуты живою симпатіей къ итальянскому народу. Къ нему лежало сердце писателя, какъ не лежало оно къ Франціи. Герценъ удивительно вѣрно понялъ, въ чемъ состоитъ вѣчный демократизмъ этого народа. «Въ итальянцахъ особенно развито чувство уваженія къ себѣ, къ личности; они не представляютъ, какъ французы, демократію, она у нихъ въ крови, въ правахъ, и подъ равенствомъ они не разумѣютъ равномѣрное рабство». И дальше онъ пишетъ: «Безконечная благодарность судьбѣ за то, что я попалъ въ Италію въ такую торжественную минуту ея жизни, исполненную тѣмъ изящнымъ величіемъ, которое присуще всему итальянскому—дворцу и хижинѣ, нарядной женщинѣ и нищему въ лохмотьяхъ».

На каждой страницѣ этихъ писемъ насъ поражаетъ яркій блескъ ума. У Герцена удивительно зоркій глазъ, и онъ на лету схватываетъ самую сущность вещей. Его мѣткую характеристику итальянскаго индивидуализма долженъ знать наизусть каждый, кто ѣдетъ въ Италію. «Эта рѣзкость предѣловъ, опредѣленныхъ характеровъ, самобытная личность всего, горь, долинь, травы, города, населенія каждаго мѣстечка—одна изъ главныхъ чертъ и особенностей Италіи. Неопредѣленные цвѣта, неопредѣленные характеры, туманныя мечты, сливающимся предѣлы, пропадающіе очерки, смутныя желанія—это все принадлежность сѣвера. Въ Италіи все опредѣленно, ярко, каждый клочокъ земли, каждый городокъ имѣетъ свою фізіономію, каждая страсть—свою цѣль, каждый часъ—свое освѣщеніе, тѣнь какъ ножомъ отрѣзана отъ свѣта; нашла туча—темно до того, что становится тоскливо; свѣтитъ солнце—такъ обливаетъ золотомъ всѣ предметы, и на душѣ становится радостно».

Прежде чѣмъ перейти къ Гоголю, мнѣ хочется упомянуть здѣсь объ одной любопытной и давно забытой книгѣ сороковыхъ годовъ.

Она носитъ немного странное заглавіе: «Римъ и Италія среднихъ и новѣйшихъ временъ, въ историческомъ, нравственномъ и художественномъ отношеніяхъ. Сочиненіе кн. А. Волконскаго, члена римской Аркадской академіи». Названіе этой книги мало соотвѣтствуетъ ея содержанію. Поздній гость Аркадскаго пріюта на склонахъ Яникула, князь А. Волконскій собралъ здѣсь историческіе отрывки и хроники старой итальянской жизни, которые поразили его воображеніе. Въ этомъ нѣсколько хаотическомъ сочиненіи есть что-то тонкое, «любительское», въ ней сквозитъ очарованность автора Италіей и праздною живописной пестротой старой итальянской жизни. Кн. А. Волконскій чѣмъ-то отдаленно напоминаетъ Стэндаля. По крайней мѣрѣ, въ его книгѣ есть тщательно и красиво переведенныя хроники, рассказывающія «о смерти графини ди-Палиано», «о несчастныхъ событіяхъ и смерти Витторіи Акорамбони, супруги донъ Поло Джордано и герцогини Браччіано, равно какъ и о смерти Людовико Орсини, задушеннаго шелковымъ шнуркомъ кармазиннаго цвѣта»,—тѣ самыя хроники, которыя послужили сюжетами для новеллъ Стэндаля. Здѣсь есть еще рассказъ о смерти «женоубійцы Гвидо Франческини, которому отрубили голову». Это—единственное изложеніе на русскомъ языкѣ темы великой поэмы Роберта Бруннинга «The Ring and the Book».

Мы подошли, наконецъ, къ Гоголю. Въ Гоголѣ воплощено съ необыкновенной, постигнѣ стихійной силой тяготѣніе къ Италіи и Риму, охватившее русскихъ людей сороковыхъ годовъ. Но мало такъ сказать! Трудно найти въ какой-либо литературѣ и трудно даже представить себѣ такую восторженную любовь къ Италіи, какой ее любилъ Гоголь. Письма Гоголя, писанныя разнымъ лицамъ изъ Рима, являются незабываемымъ памятникомъ этого изумительно глубокаго и яркаго чувства. Уже черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ онъ пишетъ: «Здѣсь мое всегдашнее пребываніе... Небо чудное, пью его воздухъ и забываю весь міръ». Немного позже, въ письмѣ къ Прокоповичу Гоголь говоритъ: «Влюбляешься въ Римъ очень медленно, понемногу и ужъ на всю жизнь... Вся Европа для того, чтобы смотрѣть, и Италія для того, чтобы жить. Вотъ мое мнѣніе: кто былъ въ Италіи, тотъ скажи прощай другимъ землямъ. Кто былъ на небѣ, тотъ не захочетъ на землю».

Послѣ Италіи, Швейцарія и Германія казались Гоголю «низкими, пошлыми, гадкими, сѣрыми, холодными...» Онъ пишетъ съ дороги: «Не успѣлъ я въѣхать въ Италію, уже чувствую себя лучше. Благословенный воздухъ ея уже дохнулъ». И возвратясь въ Римъ, онъ пишетъ Балабини: «Когда я увидалъ, наконецъ, Римъ во второй разъ, о, какъ онъ мнѣ показался лучше прежняго! Мнѣ

казалось, что я будто увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ я и въ которой жили только мои мысли. Но, нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ...»

Римъ внушаетъ Гоголю необъятно широкое, «эпическое» чувство, и если вспомнить, что въ Римѣ писалась эпопея «Мертвыя души», то сквозь строки этихъ писемъ на насъ взглянетъ обширная и важная тема о участіи Рима въ творествѣ Гоголя,—тема еще не затронутая русской литературой. Здѣсь должно сказать только, что великій трудъ Гоголя питало его счастье Римомъ. «Никогда я не чувствовалъ себя такъ погруженнымъ въ такое спокойное блаженство. О Римъ, Римъ! О Италія! Чья рука вырветъ меня отсюда... Въ душѣ небо и рай». Въ одномъ мѣстѣ своихъ писемъ онъ говоритъ похоже на Шатобріана, но только сильнѣе и лучше, чѣмъ Шатобріанъ. «Когда вамъ все измѣнитъ, когда больше ничего не останется такого, что бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Божеству».

Замѣчательно, что Гоголь почти никогда не описываетъ Италію въ своихъ письмахъ. Онъ желаетъ только передать свой восторгъ передъ ней, воспламенить душу своего собесѣдника той любовью къ ней, которой горѣла его собственная душа. Онъ чаще всего говоритъ объ итальянскомъ небѣ и итальянскомъ воздухѣ. Какъ будто ему мало было видѣть Римъ, ему надо было дышать его дыханіемъ. Но Гоголь былъ и величайшимъ изъ живописцевъ въ русской литературѣ и такъ остро чувствовалъ краски, какъ никакой другой изъ нашихъ писателей. Его глазъ постоянно отмѣчаетъ серебряный блескъ въ небѣ и облакахъ Рима. Въ письмѣ къ Балабиной онъ рисуетъ цѣлую картину весны въ Римѣ.

«Опять то же небо, то серебряное, одѣтое въ какое-то атласное сверканіе, то сильнее, какъ любить оно показываться сквозь арки Колисея; опять тѣ же кипарисы, эти зеленые обелиски, верхушки куполовидныхъ сосенъ, которыя кажутся иногда плывущими въ воздухѣ, тотъ же чистый воздухъ, та же ясная даль, тотъ же вѣчный куполь, такъ величественно круглящійся въ воздухѣ».

«Гдѣ вы встрѣтите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющомъ и дикими цвѣтамъ. Какъ хороши теперь синіе клочки неба промежъ деревьевъ, едва покрывшихся свѣжей, почти желтой зеленью, и даже темные какъ воронье крыло кипарисы, а